
Власть и рынок в блокадном Ленинграде

Владимир Пянкевич

Power and market in besieged Leningrad

Vladimir Piankevich

(Saint Petersburg State University, Russia)

Истории ленинградской блокады посвящено огромное количество исследований, отразивших различные аспекты военного противостояния врагу, деятельности партийной организации, работы промышленности, обеспечения жизнедеятельности осаждённого города, эвакуации и т.д. В значительно меньшей мере исследована роль рыночной торговли, тема самоснабжения блокадников. Суждения на эту тему разноречивы. Одни исследователи пишут, что в Ленинграде военных лет, в отличие от других городов, не было колхозных рынков с возможностью приобретения товаров в дополнение к пайку¹, единственным и исключительным источником получения продуктов являлась продовольственная карточка², а блокадникам часто приходилось выживать на одном пайке³. Другие, напротив, говорят о рынке как о неперменной реальности блокадного города и о значимой роли товарообменных отношений в существовании ленинградцев⁴. Так, американский исследователь В. Москофф полагает, что способы решения проблем, порождаемых дефицитом продуктов питания, которые применялись в других городах, не подходили для находившегося в осаде Ленинграда, где сотни тысяч умерли от голода и холода. Указывая на рыночную торговлю как одно из средств выживания людей, историк полагает, что мирное население СССР получало продовольствие не благодаря господствовавшей политико-экономической системе, но вопреки ей⁵. Полемизируя с этим суждением, В. Голдман пишет, что история продовольственных поставок не была борьбой за существование отдельных индивидов, которые пытались раздобыть себе еду. Разобшённые люди никогда бы не выжили в условиях экстремальных лишений военного времени. Государство мобилизовало все имевшиеся у него ресурсы и обеспечило населению пропитание, в том числе не

© 2017 г. В.Л. Пянкевич

¹ Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967. С. 337.

² Кислицын Н.Г. Ленинград не сдаётся. М., 1995. С. 125; Ежов М.В. Роль Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в обороне города // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. СПб., 2010. С. 37.

³ Будницкий О., Новикова Л., Шапиро П. Предисловие // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014. С. 20.

⁴ Говоров И.В., Кокуев С.Б. Теневая экономика и борьба с ней в Ленинграде в 1930–1940-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 24–35; Пянкевич В.Л. Рынок блокадного Ленинграда // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. С. 122–163; Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013; Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013.

⁵ Moskoff W. The Bread of Affliction: the Food Supply in the USSR during World War II. Cambridge, 1990. P. 185, 192, 238.

бросило рабочих на произвол рыночной стихии, в рамках которой спекулянты наживались на нужде обездоленных⁶.

Весьма важной в контексте этих суждений представляется проблема взаимоотношений власти и рынка в чрезвычайных условиях войны. В данной статье будет рассмотрена политика руководства Ленинграда по отношению к негосударственной торговле и обмену во время и по окончании блокады. На основании архивных документов органов государственной власти, правоохранительной системы и свидетельств личного происхождения будут проанализированы запретительные и репрессивные антирыночные меры. В центре внимания — проводившиеся на рынках города милицейские проверки и восприятие их блокадниками.

«Все рынки закрыты — и открылись»

Перед Великой Отечественной войной советское государство стремилось максимально подавить частное предпринимательство. С 1 августа 1940 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была запрещена «торговля с рук», поставлены вне закона барахолки и толкучки⁷. В рамках политики централизации экономики выдвигалась задача установления контроля над рынком. В проекте тезисов доклада Госплана при СНК СССР «О Генеральном плане развития народного хозяйства СССР на 15 лет» (апрель 1941 г.) отмечалось: «Государство... будет целиком и полностью управлять рынком и ценами. Это позволит осуществлять более полно государственный контроль за мерой труда и мерой потребления»⁸. Однако в военное время власти — как в центре, так и на местах — отказались от стремления полностью вытеснить частный товарооборот. Они понимали практическую невозможность, бессмысленность и рискованность такого запрета, угрожавшего ухудшить и без того трудное положение миллионов людей.

Более того, стремясь избежать полной деградации обеспечения городского населения продовольствием и роста социальной напряжённости, в годы войны государство допустило расширение рыночных элементов в экономике: сквозь пальцы смотрело на распространение спекуляции, возникновение разного рода «барахолок» и «блошинных рынков». Расширилась сеть комиссионных магазинов, торгующих по коммерческим ценам. Доля колхозной торговли в обеспечении населения продуктами питания поднялась с 14% в 1940 г. до 46 в 1944 г.⁹ Более того, правительство и местные органы власти даже поощряли её развитие. На рынках свободно продавались все виды продуктов, включая зерно и хлеб¹⁰. Следует согласиться с суждением Дж. Хесслер: в отличие от

⁶ *Голдман В.* Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // СССР во Второй мировой войне... С. 249.

⁷ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 232.

⁸ *Парамонов В.Н.* Тени военного времени. 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3 (URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/hist/199930901.html>).

⁹ *Соколов А.К.* Социально-трудовые отношения на советских предприятиях в годы войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 96.

¹⁰ *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 160, 162; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 136.

предшествующих кризисов, когда репрессии были обычной реакцией режима на нежелательные формы товарообмена, война породила более мягкое отношение к его незаконному и полулегальному характеру. Сталин не хотел повторять ошибок прошлого, пресекая местную рыночную торговлю в период чрезвычайного положения в стране¹¹.

Впрочем, так было не везде и не всегда. В частности, ситуация в Ленинграде постоянно менялась. За неделю до окружения города, 1 сентября 1941 г., торговля продовольствием была запрещена. Однако её полного сворачивания не произошло, более того, рынки готовились работать в условиях войны. Так, на Клинском рынке в соответствии с приказом штаба противовоздушной обороны Фрунзенского района было оборудовано бомбоубежище для укрытия покупателей¹². Правда, торговля ограничивалась не только решениями власти, но и объективными условиями военного времени — в первые два года по всей стране привоз сельскохозяйственных продуктов на городские рынки резко сократился¹³. В Ленинграде он в короткие сроки стремительно уменьшился, а с октября и вовсе прекратился или стал носить случайный характер¹⁴. Как только появлялся продавец с картофелем, молоком или даже овощной ботвой, к нему сразу выстраивалась очередь.

Несмотря на запрет и противодействие администрации и милиции, на большинстве колхозных рынков, особенно на Клинском, Кузнечном, Октябрьском, Мальцевском и Сытном, стихийно возникли обменные толкучки¹⁵. «Сенная площадь... издавна славилась как самое бойкое торговое место. Но никогда она не была такой оживлённой, как в дни блокады. Огромный колхозный рынок, закрытый в начале войны, потом как будто сам собой открылся. Все рынки закрыты — и открылись»¹⁶. Впрочем, это были уже не привычные довоенные рынки, а примитивные базары, коммерция которых была в значительной степени нелегальна и полускрыта.

Для спасения от голодной смерти положенного по карточке обычно не хватало, необходимы были дополнительные источники продуктов питания. По свидетельству Е.Л. Шрейбера, служившего в комсомольском противопожарном полку, где «хоть плохо, но кормили», в «первую блокадную зиму... ни один ленинградец, имевший детскую или иждивенческую карточку, не мог выжить, если у него не было дополнительных возможностей получения пищи»¹⁷. Весьма эмоционально об этом высказался учёный-геолог Б.М. Михайлов: «Меня нельзя убедить, что кто-то в Ленинграде остался живым, питаюсь только продуктами, получаемыми по карточкам. Пусть блокадник, оставшись один на один с собой, попробует сказать себе такое... — не скажет!»¹⁸. «На то, что давалось

¹¹ *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade Policy, Retail Practices and Consumption, 1917–1953. Princeton, 2004. P. 252.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 9933, оп. 1, д. 68, л. 8.

¹³ *Любимов А.В.* Указ. соч. С. 159.

¹⁴ ЦГА СПб, ф. 9933, оп. 1, д. 69, л. 9, д. 71, л. 8.

¹⁵ Докладная записка и.о. директора городского управления рынками Кириллова в отдел торговли Ленгорисполкома (26 ноября 1941 г.) // Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). СПб., 1995. С. 196.

¹⁶ *Даров А.А.* Блокада. Нью-Йорк, 1964. С. 186, 187.

¹⁷ Дети войны: сто очерков-воспоминаний. СПб., 2014. С. 306.

¹⁸ *Михайлов Б.М.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 42.

по карточкам, выжить не мог никто, — убеждён переживший ребёнком блокаду писатель Г.М. Калинин. — Наверное, если бы провести подсчёты, сколько человек могло бы прокормиться, получая выдававшиеся тогда жалкие пайки, то оказалось бы, что выжить мог лишь один из четырёх—пяти, а то и из шести—семи человек»¹⁹. «Те, кто выжил, имели какие-то дополнительные источники питания, — вспоминают Г.Н. и М.М. Семёновы. — К выжившим относится наша семья»²⁰.

«У большинства ленинградцев, — полагает мемуаристка, — была возможность выменивать вещи на хлеб»²¹. По наблюдению Дж. Хесслер, те немногие люди, у которых она брала интервью в 1993 г., на вопрос о том, кто занимался стихийной торговлей во время войны, отвечали: «Практически все!», «Если это преступление, то весь народ был виноват!», «Каждая семья без исключения». По словам одного информанта, «мы должны были выживать»²². Отвечая на вопрос, были ли у них дополнительные источники питания, 83.3% заполнивших анкеты блокадников в рамках опросов, проведённых в 1998—2000 гг., указали на использование довоенных запасов, обмена вещей на продукты и т.д. Самым распространённым способом получения хотя бы небольшой прибавки к пайку был обмен вещей на продукты: 61.4% респондентов сообщили, что их семьи меняли вещи на еду²³. Это означает, что почти две трети населения города искали спасения на рынке, «толкучке», стихийных уличных торжищах, а также у знакомых, которые добывали продукты подчас незаконным путём. Впрочем, часть горожан по разным причинам не могла или не хотела прилагать усилий для поиска дополнительных источников питания.

***«Развилась поразительная спекуляция...
За всё это следует расстреливать!»***

Стихийная рыночная торговля вызывала резкое неприятие у многих блокадников. По их представлениям, город был наводнён дельцами, «хищниками», спекулянтами, наживавшимися на нужде сограждан. Согласно дневниковым записям периода осады и позднейшим опросам, спекуляция продуктами питания была массовой и более масштабной, чем это зафиксировано в официальных документах того времени²⁴. Городская власть была настроена на решительную борьбу с хищениями и спекуляцией. В постановлении Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. о снижении до минимума норм хлеба в блокированном городе, руководителям правоохранительных органов предписывалось «усилить борьбу с расхитителями продовольственных товаров, какими бы формами это воровство ни прикрывалось»²⁵.

Однако блокадники часто не видели результатов противостояния такого рода преступлениям. Крайне враждебно относясь к расхитителям

¹⁹ Калинин Г.М. Блокада на всю жизнь // Калинин Г.М. День один: рассказы и повести. М., 2010. С. 246.

²⁰ Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 580.

²¹ Ильина Л.Л. Начало распада Советской империи 1941—1953 годы. СПб., 2006. С. 40.

²² Hessler J. Op. cit. P. 269.

²³ Фролов М.И. «Салют и реквием». Героизм и трагедия ленинградцев 1941—1944 гг. СПб., 2003. С. 69—70.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Ленинград в осаде... С. 195.

и спекулянтам, многие приветствовали репрессии против них. «Свиристествуют спекулянты, — записал 15 декабря 1941 г. ректор Ленинградского института советской торговли М.А. Иванов. — Сегодня на Кузнечном, на “толкучке”, какая-то дрянь маленькую вязку дров продавала за 50 рублей. Жаль, что не ликвидируют такую дрянь. Кстати, самый ходовой товар на “толкучке” — “буржуйки” и свечи»²⁶. «Сегодня наш базар стали разгонять, — отметила 25 декабря 1941 г. писательница Е.К. Васютина. — Давно пора»²⁷. 1 января 1942 г., наблюдая «толкучку у спекулятивного рынка на Васильевском острове», писатель В.В. Вишневский иронично и презрительно заметил: «Неумирающая “коммерция”». 4 января он же фиксировал контрастное соседство «великого» (голодание некоторых командиров, которые отдавали свой месячный сухой паёк семьям) и «низкого»: «Спекулятивный рынок. На холоде топчутся люди, что-то меняют»²⁸. «Хорошо, что начинают (правда, пока робко) браться за “толкучку” на Кузнечном, — записал 8 января М.А. Иванов. — Развилась поразительная спекуляция. Примеры. 750 граммов американского мяса — 500 рублей, коробок спичек — 10 рублей, плитка шоколада — 110 рублей. За всё это следует расстреливать!»²⁹.

Однако даже масштабные принудительные акции были не в состоянии справиться с рыночной стихией: «Поскольку... стимулом к товарообмену в основном является нужда населения в продуктах питания и предметах первой необходимости, мы вынуждены констатировать, что борьба репрессивными мерами не в состоянии прекратить это явление; равно не достигает цели и удаление толкучек с площади рынков, так как в таком случае они образуются в прилегающих переулках», — докладывал и.о. директора городского управления рынками Кириллов. Считая неорганизованный частный торг «явлением, имеющим существенное значение в жизни города», он предложил «на известный период времени легализовать толкучки» на пяти колхозных рынках для установления «более эффективного наблюдения за доброкачественностью обмениваемых продуктов (мясо, рыба, молоко и т.п.) и облегчения борьбы со спекуляцией». Кроме того, по его мнению, узаконивание «толкучек» позволило бы взимать с их клиентов пожетонный сбор, общая сумма которого могла составить более 100 тыс. руб. в месяц³⁰. Две недели спустя, 12 декабря 1941 г., Кириллов снова отмечал, что, несмотря на все меры, как со стороны администрации рынков, так и со стороны милиции, «толкучки получили такое развитие, что распространились и на прилегающие улицы». Чиновник признал, что борьба не даёт должных результатов на фоне значительного роста потребности населения. С учётом возможности получения за счёт пожетонного сбора на всех рынках до полумиллиона рублей в квартал, он вторично предложил легализовать «толкучки», поскольку этот вопрос «заслуживает особого внимания и требует самого срочного разрешения»³¹. Отметим, что величина потенциального налогового дохода государства от контроля над частной торговлей возросла, по оценке чиновника, за две недели более чем на 60%.

²⁶ Иванов М.А. Блокадный дневник ректора. СПб., 2014. С. 57.

²⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 522, оп. 1, д. 39, л. 65 об.

²⁸ Вишневский В.В. Ленинград: Дневники военных лет. В 2 кн. Кн. 1. М., 2002. С. 54, 58.

²⁹ Иванов М.А. Указ. соч. С. 67.

³⁰ Ленинград в осаде... С. 196–197.

³¹ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 17, д. 402, л. 252.

В декабре 1941 г. официально вели хозяйственную деятельность 18 колхозных рынков³². Помимо них в городе существовало, по самым скромным подсчётам, несколько десятков торжищ. По наблюдениям сотрудников управления рынков, на каждом из них находилось в среднем свыше 1 тыс. человек ежедневно³³. Художник И.А. Владимиров записал 21 декабря 1941 г.: «Меновая торговля... охватила буквально весь город. С раннего утра до полной темноты тысячи голодных людей всех возрастов и сословий толкуются на рынках во всех районах города»³⁴. «Рыночная толкучка начиналась с Шамшевой, или даже с Лахтинской улицы, и продолжалась вдоль по Малому вплоть до Рыбачьей», — вспоминал Б.М. Михайлов «толкучку» у Дерябкина рынка в феврале 1942 г.³⁵ Только она одна простиралась на расстояние 260–440 м вдоль Малого проспекта Петроградской стороны.

Тем временем предложение Кириллова об установлении контроля за частной коммерческой стихией было отвергнуто городской властью, которая решила сделать ставку на привычные меры репрессивного характера. «Несколько недель назад начальник милиции “приказал” воспретить всякую меновую торговлю», — отмечал 21 декабря 1941 г. И.А. Владимиров. Однако «очень скоро “виновников” в меновой торговле на рынках оказывалось так много, что мильтоны сбивались с ног и фактически не имели сил и возможности “арестовать” всех меняльщиков». Художник указал на излишнюю суровость и даже несправедливость насилия: «Голодных граждан, рискнувших обменять кусочек сахара на 1/2 кило “дуранды”, хватали на рынке, препровождали под конвоем в отделение милиции, где их допрашивали, штрафовали, а кто не мог уплатить штрафы, отправляли на принудительные работы: рыть окопы, рубить лес на лесозаготовках и подобное»³⁶. Позднее облавы на рынках также нацеливались не только на борьбу с несанкционированной торговлей и задержание спекулянтов, но и на обеспечение рабочей силой общественных работ. Решением Ленгорисполкома от 25 марта 1942 г. всё трудоспособное население города объявлялось мобилизованным в порядке трудовой повинности для проведения работ по очистке дворов, улиц, площадей и набережных на период с 27 марта по 8 апреля. Уклонявшихся от работ следовало привлекать к ответственности по законам военного времени»³⁷.

Жёсткость и даже жестокость узаконений зачастую воплощалась в реальность весьма своеобразно. «Поведение на рынках некоторых агентов милиции было двусмысленным, — вспоминал профессор Д.И. Каргин. — Наряду с исключительно щепетильным отношением к спекуляции и спекулянтам мне приходилось наблюдать обратное, а именно то, что они сами занимались покупкой на рынке вещей и даже продовольствия»³⁸. Вообще, непримиримость власти к частной коммерции периодически сменялась отступлением от строгих запретов и жёстких мер. В начале 1942 г. руководители блокадного города разрешили деятельность колхозных рынков, допустив негосударственную

³² Там же, ф. 9933, оп. 1, д. 68, л. 8.

³³ Ленинград в осаде... С. 196.

³⁴ Владимиров И.А. «Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные заметки 1941–1944 гг. СПб., 2009. С. 78.

³⁵ Михайлов Б.М. Указ. соч. С. 80.

³⁶ Владимиров И.А. Указ. соч. С. 78–79.

³⁷ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 5–6. С. 16.

³⁸ Каргин Д.И. Великое и трагическое. Ленинград 1941–1942. СПб., 2000. С. 42.

торговлю и обмен на определённых условиях. «На рынке разрешено продавать вещи за любую цену, менять любые продукты на продукты, но запрещено продукты на деньги — арест», — записал 15 января старший научный сотрудник Музея города А.А. Черновский³⁹.

Спустя некоторое время власть вернулась к насилию. «На Сенной площади стихийный рынок был, — вспоминала К.Е. Говорова. — Этот рынок конная милиция разгоняла»⁴⁰. 8 февраля М.А. Иванов записал: «Сегодня пришел конец “толкучки” на Кузнечном. С утра спекулянтов (в основном там спекулянты) разгоняла милиция, в том числе конная (отыскивались откуда-то). Этому безобразию давно надо было положить конец. Дело доходило до того, что за штуку папиросы требовали 6—7 рублей»⁴¹. «Вчера и сегодня, — фиксировал на другой день учёный-востоковед А.Н. Болдырев, — барахолку разгоняет конная милиция. Очевидно, считается, что выдачи в магазинах приняли такой размер, что допущенный в трудный период элемент частного обмена (своеобразный нэп!) можно уже упразднить»⁴². «На толкучке, разросшейся в последний месяц до невероятных размеров, — отмечал 11 февраля 14-летний М. Тихомиров, — начали энергично орудовать пешие и конные милиционеры»⁴³. Особенно масштабно карательные меры стали применяться весной 1942 г. В марте В.Я. Энст писал сыну-фронтовику: «На рынке [в] связи с новым порядк[ом] совсем не видать никаких продаж и обменов»⁴⁴.

Одним из следствий борьбы с частной торговлей и спекуляцией становилось исчезновение из стихийного товарообмена, а следовательно, недоступность для обычных горожан, жизненно важных продуктов и необходимых вещей. «Перед милицией сейчас поставлена задача — борьба со спекуляцией, и вот теперь за деньги и спичек не купишь: стоит человек на базаре, держит коробку спичек и говорит: “за кусочек хлеба” — если нет хлеба, то и без спичек уйдешь домой», — записал 9 марта И.И. Жилинский⁴⁵. «Огромная спекуляция дровами. Вязанка стоит 60—70 рублей. Мешок дров — 100 рублей. Последнее время милиция ведёт борьбу, — отметил 22 марта инженер З.С. Лившиц, — попросту отбирая дрова»⁴⁶.

«У стен домов на солнышке сидят люди и держат в руках вещи»

С 1 апреля 1942 г. по решению исполкома Ленгорсовета были временно закрыты 13 колхозных рынков (Кировский, Клинский, Московский, Свердловский, Овсянниковский, Сытный, Халтуринский, Новодеревенский, Большеохтенский, Малоохтенский, Троицкий, Бумажный, Октябрьский)⁴⁷. Затем со 2

³⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб), ф. 4000, оп. 11, д. 119, л. 62.

⁴⁰ Живая память: Сборник воспоминаний. СПб., 2010. С. 100.

⁴¹ Иванов М.А. Указ. соч. С. 81.

⁴² Болдырев А.Н. Осадная запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 54.

⁴³ Дневник Миши Тихомирова. Ленинград 1941—1942 гг. СПб., 2010. С. 37.

⁴⁴ «Я буду художником» (Из фронтовой переписки Б.В. Энста с родителями 1941—1945) // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Сборник статей и воспоминаний. Вып. 6. СПб., 2009. С. 157.

⁴⁵ Жилинский И.И. Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 11.

⁴⁶ Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. СПб., 2006. С. 159.

⁴⁷ ЦГА СПб, ф. 9933, оп. 1, д. 75, л. 1.

по 18 апреля сотрудники милиции проводили проверки на Кузнечном, Мальцевском, Андреевском, Клинском, Октябрьском и Сытном рынках. Отмечу, что рейды проводились не только на трёх официально закрытых, но и на трёх формально действовавших рынках. Согласно милицеейским отчётам по итогам этой «специальной работы», количество проверенных оперативными группами граждан с каждым днём облав сокращалось. Если в первый день таковых насчитывалось 7 347, то в последний — лишь 788 человек⁴⁸.

В то же время, несмотря на угрозы, блокадники продолжали посещать даже и официально закрытые рынки, которые замирали на время облав и оживали, как только уходили милиционеры. В письме ленинградки Е.Г. Францкевич мужу-фронтовику от 2 апреля говорится: «Сегодня день рождения Нины (сестра мужа. — В.П.). Ты, конечно, забыл об этом обстоятельстве, а я — нет, и решила доставить ей небольшое удовольствие. Нине давно хочется молока. Я наэкономила хлеба и сегодня смашировала на рынок. Пришла и была разочарована — в кои веки собралась, а он закрыт, и милиционеров тьма. Говорят, облава. Т[ак] к[ак] у меня совесть чиста, я пошла прямо на милиционера, у ворот стоящего. Он меня пропустил. У меня был план достать молока, чего-нибудь сладенького, чтобы обед был с третьим; потом хотелось чего-нибудь из посуды... хотела вазу купить, затем для себя — хвои для сотворения настоя “витамины С”. Рынок был пустым. Выпускали на другую улицу, проверяя документы о трудовой повинности... С этой стороны у меня тоже всё в порядке. Я, как говорится, вошла и вышла. Но повезло: за рынком была небольшая толкучка, и я там выменяла баночку фруктового, красивого красного цвета, желе, купила пучок хвои. Пока побродила, рынок открыли, пошла домой через него. Поднесли колхозники молока. Официально продают в спецларах. Я купила четверть литра»⁴⁹. Таким образом, неистребимая толкучка функционировала прямо рядом с проверявшимся милицией рынком!

Даже многократно сократившись, численность проверенных на шести ленинградских рынках ежедневно составляла несколько сот человек. Более того, минимальное количество, 329 проверенных, в соответствии со справками Управления милиции, побывало на них 10 апреля — в середине периода проверок⁵⁰. Несмотря на постоянные облавы, угрозы задержания, составление административного протокола, штрафы, конфискацию вещей и продуктов, количество посетителей рынков, поначалу сократившись, снова возросло. Очевидно, упование на прекращение рейдов, а главное потребность в частной коммерции, были столь велики, что многие ленинградцы вновь и вновь приходили на торжища в надежде что-либо приобрести, продать или выменять. Иные, похоже, не представляли себе существования без обменных операций. Об этом свидетельствует запись в дневнике А.Н. Болдырева от 10 апреля: «Сегодня много ловили и штрафовали на барахолке. Что завтра? Может быть, к вечеру буду уже “в рядах”»⁵¹.

Среди 7 347 проверенных на рынках 2 апреля были выявлены 4 дезертира и 9 воров. Остальные — почти 88% — составляли ничего не продававшие и не покупавшие посетители. 51% проверенных были задержаны милицией как

⁴⁸ Там же, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 77, 86.

⁴⁹ «Наверное, я не умру...»: письма из блокадного Ленинграда. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. СПб.; Пушкин, 2013. С. 22.

⁵⁰ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 62.

⁵¹ Болдырев А.Н. Указ. соч. С. 88.

«уклоняющиеся от трудовинности» и направлены в распоряжение райсоветов города для общественных работ. Количество «уклонистов» от одной проверки к другой постоянно сокращалось, в последний день не задержали никого⁵². Судьба некоторых задержанных складывалась драматично. Так, видимо, произошло с блокадницей, о которой 12 апреля написала учитель К.В. Ползикова-Рубец: «Все рынки закрыты с некоторых пор. Толкучки у булочных милиционеры разгоняют. Арестовывают отдельных лиц. Так попала в тюрьму Феня, старая домработница Выготских, прожившая у них 23 года. Ушла и не вернулась. А затем они получили известие, что она умерла в тюрьме»⁵³.

Опасной могла стать и уличная обменная сделка. Попытка рабочего И.П. Фирсенкова в тот же день обменять хлеб, полученный в заводской столовой, на крупяные талоны окончилась «довольно неудачно»: «Встретился с одной женщиной, отошли на правую Тентелеву улицу и уже обменялись своим товаром... а в это время подошёл милиционер и обоих нас отправил в отделение... Милиционер-дежурный спросил милиционера, где он нас задержал... сделал ему замечание, что это не его участок, и нечего ему туда соваться... после ухода милиционера дежурный выдал нам документы и отпустил домой, по-видимому, последствий этого события не будет никаких, так как постовой у нас в руках не видел ни хлеба, ни талонов». Характерно, что сразу после этого инцидента, по свидетельству Фирсенкова, он «пошёл к Нарвским воротам, там целый базар, можно всё что угодно и купить, и продать, и выменять»⁵⁴. Преследование за попытку уличного обмена и разгул торгово-обменных сделок («целый базар») на расстоянии одного километра от места описанного инцидента свидетельствует о непоследовательности антирыночных репрессий, субъективности их применения, а также о невозможности искоренить востребованную населением стихийную торгово-обменную активность.

Вторую — меньшую по численности — группу среди задержанных во время апрельских проверок составляли горожане, которые упоминаются в справках милиции как «нарушители правил торговли». Количество их также сокращалось, однако, в отличие от большинства проверявшихся, в минимальной степени. В процентном же отношении эта группа постоянно и значительно возрастала. В первый день облав она составила 824 человека, или 11,2% от общего числа проверенных. В последний же день милицеских акций таковых насчитывался 551 человек (69,9%)⁵⁵. Большинство задержанных были оштрафованы на суммы от 11 до 64 руб.⁵⁶ Несмотря на это, многие «нарушители» стремились непременно присутствовать на рынках, и, видимо, не слишком опасались стражей порядка.

Ещё одна группа — «спекулянты и скупщики». В первый день проверок таковых было выявлено 74 человека, что составило 9% от количества задержанных как «нарушителей правил торговли» и 1% от общего количества проверенных⁵⁷. После пяти дней облав количество «спекулянтов и скупщиков» уменьшилось до 10 человек. Впоследствии численность этой категории, согласно милицеским документам, то снижалась до 2–3 человек, то снова возрастала.

⁵² ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 77, 86.

⁵³ Ползикова-Рубец К.В. Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 61.

⁵⁴ Фирсенков И.П. Блокадный дневник. СПб., 2014. С. 71, 72.

⁵⁵ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 4, д. 67, л. 62, 77, 79, 83, 85, 86.

⁵⁶ Там же, л. 62–65, 69–70, 72, 74, 77, 81–87.

⁵⁷ Там же, л. 77.

В последний день их было задержано двое — 0.3% от количества задержанных как «нарушителей правил торговли» и 0.2% от общего количества⁵⁸. Эти данные формально свидетельствуют о резком снижении объёмов запрещённой купли-продажи. Представляется, однако, что сокращение коснулось прежде всего открытых форм полукриминальной и преступной коммерции и, в меньшей степени, общего объёма спекулятивных операций. Опасаясь уголовного преследования, эта категория действовала более осторожно и скрытно, перемещаясь с рынков на соседние улицы и площади, к магазинам, в жилища ленинградцев.

Немаловажной задачей оперативников было задержание ещё одной группы посетителей — воров. Согласно статистике, их насчитывалось относительно немного, но присутствовали они практически постоянно. 2 апреля ленинградские милиционеры задержали 9 воров. Затем их количество резко сократилось, а в отдельные дни не задерживали ни одного вора. В последний день проверок были задержаны трое⁵⁹. Специальное упоминание и регистрация этой категории посетителей рынков согласуется с часто встречающимися в дневниках и воспоминаниях блокадников свидетельствами об обмане и насилии, подстергавших многих участников торгово-обменных операций.

Ограничения, запреты, проверки на рынках пугали тех, кто приходил сюда порой с последней надеждой купить или выменять еду или вещи. Однако потребность в торговле была слишком велика. «Рынки разгоняют, — записала 16 апреля библиотекарь М.В. Машкова, — и вся мена происходит около булочных»⁶⁰. «Со вчерашнего дня запрещена мена, толкучка; милиция усиленно разгоняет; если застают при заключении сделки (мены) — ведут в пикет или даже отнимают обмениваемое», — отметила 19 апреля экономист З.З. Шнитникова⁶¹. В тот же день искусствовед А.А. Барташевич свидетельствовал: «Возле булочных стоят люди, продают и меняют вещи. Это — результат того, что рынки разгоняются»⁶². Остро нуждавшиеся горожане были вынуждены скрывать свои намерения и действия. Архитектор Э.Г. Левина так описывала 24 апреля хитрости, к которым прибегали ленинградцы: «У стен домов на солнышке сидят люди и держат в руках вещи: бельё, безделушки, фарфор, кусочки мяса, бутылки соевого молока. Это замаскированный рынок, так как толкучка разогнана. Когда подходит милиция, люди делают гуляющий вид, когда милиции нет — совершают сделки». Однако снисходительное отношение Левиной к этим уловкам не означало терпимости к тем, кто, по её мнению, наживался на голоде: «Количество спекулянтов всё же уменьшилось, часть воров переловили, к сожалению, далеко не всех». Три недели спустя она же описала негодование уличных торговков: «Милиционер разгоняет баб на базаре — “когда вы нас перестанете мучить, проклятые”»⁶³.

⁵⁸ Там же, л. 62–65, 69–70, 72, 74, 77, 81–87.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Машкова М.В. Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 46.

⁶¹ Блокадный дневник З.З. Шнитниковой: 2 сентября 1941–17 июля 1942 г. // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 66.

⁶² Барташевич А.А. Блокадный дневник // Звезда. 2011. № 6. С. 105.

⁶³ ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 11, д. 57, л. 19–21.

*«Лишь немногие смельчаки рискуют ходить по Невскому
с пачкой папирос в руке»*

Новый этап начался 21 мая 1942 г., когда Ленгорисполком «в соответствии с указанием Военных властей» принял решение «О борьбе со спекулятивным обменом продовольственных товаров». В решении указывалось на «вид спекуляции, принимающей форму прямого мародёрства, когда отдельные антиобщественные и преступные элементы, используя трудности, переживаемые населением Ленинграда, занимаются, в целях наживы на народной нужде, спекулятивным обменом продуктов питания, полученных ими по твёрдым государственным ценам в торговой сети, и используя преступные связи с лицами, расхищающими продовольственные товары»⁶⁴. Органы милиции должны были «задерживать и немедленно привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся спекулятивным обменом продовольственных товаров на рынках, площадях и других местах». В суде дела о лицах, изобличённых в спекуляции, должны были рассматриваться во внеочередном порядке, а виновные в соответствии со ст. 107 УК РСФСР подвергаться наказанию в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего лично им принадлежавшего имущества.

Это решение, опубликованное 22 мая в газете «Ленинградская правда», а также переданное по городскому радио, не осталось незамеченным. В записках горожан можно встретить описание его последствий. З.З. Шнитникова записала: «Приказ “прекратить спекулятивный обмен продуктов” понят населением и милицией так, что вообще продуктов и с рук не стало»⁶⁵. «Теперь уже нельзя свободно обменять кусок хлеба на стакан клюквы или пачку табаку, — заметил учитель А.И. Винокуров, — придётся это делать через знакомых»⁶⁶. И.П. Фирсенков высказался так: «Теперь мы не представляем себе, как будем дальше питаться в столовых завода. Я, конечно, до первого июня проживу без дополнительных талонов, но... перейдя в общую столовую, придётся питаться только на три талона, что крайне затруднительно, а обмен производить тоже опасно, так что пока даже мы не представляем себе, как мы будем вывёртываться из этого для нас затруднительного положения». 24 мая блокадник вновь возвратился к этой теме: «Постановление Ленсовета о воспрещении обмена продуктов уже сильно сказалось на моих рабочих. Ребята не могут достать крупяные талоны и поэтому эти дни живут почти впроголодь, все талоны по старой карточке съедены, а обменять нет никакой возможности, как дальше будут они жить, я не представляю себе, а до первого ещё далеко»⁶⁷. «Обмен запрещён, — писала 25 мая Е.П. Крайская. — Грозное распоряжение. Приказ, карающий тюрьмой всякие обмены товарами или на вещи и т.д.»⁶⁸. «Последнее время в городе процветали меновые рынки, — свидетельствовал научный сотрудник Государственного оптического института Д.Н. Лазарев. — С этим стали бороться, рынки закрыли. После этого мены стали совершаться сначала

⁶⁴ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета... 1942. № 9–10. С. 10.

⁶⁵ Блокадный дневник З.З. Шнитниковой... С. 68.

⁶⁶ Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 262.

⁶⁷ Фирсенков И.П. Указ. соч. С. 82, 83.

⁶⁸ Дневник Е.П. Крайской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: блокадные дневники. СПб., 2015. С. 84.

у хлебных лавок, а затем распространились по улицам, на Петроградской стороне преимущественно по Большому проспекту. Это тоже стали преследовать, меняльщиков забирать в милицию»⁶⁹.

Если репрессивные меры против рыночных спекулянтов многие блокадники приветствовали, то насилие по отношению к себе — вынужденным участникам стихийных торгово-обменных операций — осуждалось как несправедливое и излишне суровое. «Сегодня для меня неудачный день, — записал 29 мая А. Лепкович. — Я стал невинной жертвой и уплатил в милиции 15 руб. штрафа якобы за торговлю хлебом, в то время когда я купил для себя к обеду 300 грамм»⁷⁰.

Исчезновение из частного товарооборота продовольствия, необходимых вещей, резкое ограничение возможностей их приобретения порой раздражали, вызывали недовольство. «Кстати, о хлебе: его почти невозможно купить, не слышно ни предложений, ни спроса, — записал 31 мая А.А. Барташевич. — У булочных никто не толкается, и лишь немногие смельчаки рискуют ходить по Невскому с пачкой папирос в руке, безмолвно предлагая прохожим в обмен на хлеб. Не думал, что постановление об обмене подействует так быстро и радикально»⁷¹. В письме Е.Г. Францкевич мужу от 1 июня говорилось: «Рынки у нас давно закрыты. Толкучки (у булочных) разгоняют. Я ничего не продала и, признаться, не придумаю, что продать. У нас нечего продавать. И обменять сейчас ничего невозможно»⁷². «Достать что-либо совершенно невозможно — покупать и менять запрещено», — сообщал 27 июня в письме из Ленинграда художник П.М. Кондратьев⁷³.

Однако полностью ликвидировать стихийную торговлю и обмен не удалось. По разным причинам в них нуждалось слишком много людей. Власть снова и снова разрешала такую коммерцию, а затем, словно спохватываясь, возобновляла запреты. «Вновь открыли городские рынки и разрешили продажу... разных домашних вещей: это оказалось необходимым — масса, уезжающая из города, нуждается в деньгах, поэтому на рынок вещи выбрасываются за бесценок», — записала 8 июля сотрудница Эрмитажа М.С. Коноплева⁷⁴. В связи с возможной эвакуацией коммерческая активность ленинградцев приняла неожиданные формы: предназначенные к продаже вещи выставлялись прямо на асфальте рядом с домом, торговля шла на квартире или в комнате. «На подоконниках, в окнах первых этажей уезжающие раскладывают свои вещи и продают прохожим, — записал 12 июля А.И. Винокуров. — На Знаменской улице целый ряд таких своеобразных магазинов. Большинство же уезжающих продаёт свой скarb прямо на улице, чаще всего — у ворот дома. Вещи отдают буквально за бесценок, особенно поражают цены на мебель, её уступают чуть ли не даром, но, несмотря на это, многие не успевают продать свои вещи и уезжают, бросив накопленное в течение долгих лет»⁷⁵.

⁶⁹ Лазарев Д.Н. Ленинград в блокаде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. V. Материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 210.

⁷⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 11, д. 58, л. 18.

⁷¹ Барташевич А.А. Указ. соч. С. 121.

⁷² «Наверное, я не умру...»... С. 29.

⁷³ Сурис Б.Д. «...больше, чем воспоминания». Письма ленинградских художников, 1941—1945. Кн. 2. СПб., 1993. С. 378.

⁷⁴ ОР РНБ, ф. 368, д. 3, л. 3.

⁷⁵ Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. С. 271, 272.

Однако уже 14 августа А.Н. Болдырев отмечал: «Пресекается какая-либо не санкционированная властью коммерческая активность, в том числе порой нищенская уличная торговля»⁷⁶. И.В. Фирсенков с сожалением писал 8 августа о закрытии торжища у Нарвских ворот, где он регулярно продавал выращенные им овощи: «Приехал к рынку, рынок закрыт, людей разгоняют... Пришлось овощи продавать с рук прямо на улице. Корнеплоды берут очень охотно, особенно хорошо берут репу, спрашивают брюкву, но неплохо берут и турнепс. За какие-нибудь 40 мин. я все свои овощи продал... За всё я выручил 421 руб.»⁷⁷.

Запреты и ограничения вводились и позднее, но порой фактически не применялись ввиду их неэффективности. 18 января 1944 г. писатель А.И. Пантелеев упомянул: «Мальцевский рынок закрыт, торгуют — законам и милиции вопреки — у булочной, на углу Греческого и Бассейной. Даже водку здесь можно купить»⁷⁸.

«Население испытывает острую нужду во всём»

Будучи ярким свидетельством неблагополучия в социальной сфере, частная торговля не могла не быть неугодной властям, поэтому боролись с ней, используя любые предлоги. Например, выяснилось, что её размах столь велик, что даже мешает проезду немногочисленных тогда автомобилей. В связи с остротой проблемы Ленгорисполком принял 12 августа 1944 г. решение «О воспрещении торговли с рук на панелях и мостовых, у магазинов, булочных, кинотеатров и в других местах». Правила уличного движения были дополнены запретом «производить торговлю с рук, а также устраивать так называемые “толкучки”», а «граждане, виновные в нарушении... Правил», должны были подвергаться «штрафу в размере до 25 рублей»⁷⁹.

Однако наибольшее опасение вызывал рост спекуляции. В справке, подготовленной 16 сентября 1944 г. к проекту постановления исполкома Ленгорсовета и бюро горкома ВКП(б) «О продаже на рынках г. Ленинграда частными лицами нормированных продовольственных товаров и собственных вещей домашнего обихода», отмечалось: «На всех действующих в настоящее время... тринадцати рынках частные лица производят продажу... в явно спекулятивных целях». Обстановка на рынках носила полукриминальный, а то и откровенно преступный характер: «Имеет место и грубое нарушение правил общественного порядка, вплоть до мордобития. Здесь же ютятся перекупщики и всякого рода проходимцы». Проектом постановления предусматривались меры не только контролирующего и репрессивного, но и фискального характера, а также сосредоточение торговли вещами домашнего обихода на одном рынке, создание скупочных пунктов как альтернативы частной коммерции⁸⁰. Три месяца спустя, 15 декабря 1944 г., Ленгорисполком принял решение «О состоянии торговли на колхозных рынках города Ленинграда», в котором отмечалось

⁷⁶ Болдырев А.Н. Указ. соч. С. 139.

⁷⁷ Фирсенков И.П. Указ. соч. С. 261.

⁷⁸ Пантелеев А.И. Январь 1944. Из старого дневника // Пантелеев А.И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 164.

⁷⁹ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета... 1944. № 16. С. 10.

⁸⁰ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 17, д. 1211, л. 2, 4, 6–8.

«продолжение нарушений общественного порядка», отсутствие «решительной борьбы со спекулянтами, перекупщиками и другими преступными элементами». Этим решением «категорически запрещалась продажа частными лицами на рынках нормированных продовольственных товаров», городской милиции вновь поручалось «усилить меры»⁸¹.

После окончания блокады и особенно войны в Ленинград начали возвращаться его жители, приезжали и выходцы из других регионов. Численность горожан росла очень быстро, и государство не справлялось с удовлетворением их потребностей. Так, при росте населения за 1944 г. на 79% реализация промтоваров через торговую сеть возросла всего на 24,2%⁸². Горожане жили в крайней нужде. Так, согласно докладной записке заведующего Ленгорздравотделом Ф.И. Машанского, у жителей Пушкина (пригород Ленинграда), возвратившихся в мае 1944 г. из немецкого плена, не было посуды для приготовления пищи, нательного и постельного белья. Значительная часть не имела мыла⁸³. По прозвучавшему в июле 1945 г. на пленуме горкома ВКП(б) признанию, «население испытывает острую нужду во всём, начиная от обуви, одежды и кончая расчёской, иглой, шпилькой»⁸⁴. Выступая на заседании бюро Ленгорисполкома в октябре того же года, секретарь горкома Я.Ф. Капустин сообщил, что в один день к нему на приём записались 100 человек, перед которыми «в качестве неразрешимой стояла проблема одежды и обуви»⁸⁵. В этих условиях ленинградцы естественно рассматривали рынок в качестве одного из важнейших источников всего необходимого⁸⁶.

Подозрительность власти по отношению к рынку диктовалась в значительной степени представлением о том, что государственных каналов снабжения должно быть достаточно для удовлетворения нужд населения. Тяготы войны и блокады, однако, заставили пойти на определённые уступки. В то же время структуры управления стремились всячески контролировать рыночную стихию. Одним из главных предлогов было противостояние криминальной деятельности — хищениям, спекуляции. Эти действия находили поддержку части городского сообщества, поскольку соответствовали представлениям о справедливости многих ленинградцев, не желавших терпеть частную коммерцию, «торгашей» на улицах своего города. Задержания сбытчиков похищенного, в частности в ходе проведения милицейских проверок на рынках, безусловно помогали бороться с воровством продовольствия в блокированном городе. Открытость рыночной торговли в определённой мере облегчала работу правоохранителей по обнаружению мест и фигурантов хищений, выявлению преступных сообществ.

Однако, в конечном счёте, проверки, запреты и иные впечатляющие, решительные меры имели ограниченный эффект. Они лишь временно ослабляли стихийную частную торговлю, вынуждали её акторов быть более изворотливыми. Но страдала, как правило, «мелкая сошка», а многие профессиональные

⁸¹ Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета... 1944. № 23—24. С. 6.

⁸² Твердюкова Е.Д. Торговля в Ленинграде после снятия блокады (1944—1945 гг.) // Россия. Век двадцатый. Сборник статей к 95-летию доктора исторических наук В.М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 101.

⁸³ От войны к миру: Ленинград. 1944—1945. Сборник документов. СПб., 2013. С. 74, 75.

⁸⁴ Там же. С. 190.

⁸⁵ Там же. С. 238.

⁸⁶ Говоров И.В., Кокуев С.Б. Указ. соч. С. 25.

преступники находили способы оказаться в тени и избежать наказания. Кроме того, искоренить хозяйственную инициативу, помогавшую людям выжить в тяжелейших условиях голода и нужды и естественным образом приобретающую массовый, но в каждом отдельном случае незначительный характер, объективно было практически невозможно. Многие блокадники воспринимали борьбу со стихийной коммерцией как известную условность, когда, придерживаясь неких негласных договоренностей, можно было действовать исходя из своих нужд. В антирыночной политике можно усмотреть печальную иронию — действуя в интересах социальной защиты горожан, власть подавляла одно из важнейших средств их выживания, мешая многим из ленинградцев избежать гибели.